

Глядя на такого Чжао Фу, Тан Шэнь испытывал в душе сложную гамму чувств, которую невозможно было выразить словами.

Чжао Фу спросил:

— Цзинцзэ съездил в Ючжоу, довелось ли тебе увидеть там что-нибудь интересное?

Тан Шэнь ненадолго задумался и ответил:

— Ваш слуга родом из Цзяннани и впервые оказался на Северо-Западе, где воочию увидел величественные виды бескрайней пустыни. Ючжоу совсем не похож на другие уголки нашей Великой Сун: тамошние пейзажи суровы и прекрасны, а просторы поражают взор. В этих чудесных краях ваш слуга готов был позабыть обо всем, но поручение было исполнено, и мне пришлось вернуться.

[От автора:

Чжао Фу: «Знаете, почему четвёрка моих любимчиков сплошь красавцы? Потому что, глядя на них, я будто вижу себя в молодости! Я ведь тоже был хорош собой!»

Чжао Сюань, Чжао Цюн: «...»

Покойный император, Вдовствующая императрица: «...»

Все остальные: «Какое бесстыдство!»]

— Виды бескрайней пустыни... Я сам не видел их уже много лет. Цзинцзэ, расскажи-ка мне поскорее.

Тан Шэнь со всем почтением начал рассказывать Чжао Фу о завораживающих пейзажах, которые наблюдал по пути в Ючжоу.

Чжао Фу слушал с большим интересом, а затем повернулся к Цзи Фу:

— А ты видал подобное?

Цзи Фу состряпал сокрушённую мину:

— Раб ваш с малых лет попал во дворец и прислуживает Государю. Вот уже более пятидесяти лет прошло, а я так ни разу и не покидал Шэнцзин.

Чжао Фу изобразил изумление:

— Ты даже ни разу не выезжал за пределы города Шэнцзинь?

Цзи Фу послушно улыбнулся и кивнул.

— Что ж, когда в следующий раз я отправлюсь в загородный дворец спастись от летнего зноя, возьму тебя с собой.

Цзи Фу в волнении пал на колени:

— Раб ваш нижайше благодарит Государя за милость!

Чжао Фу снова повернулся к Тан Шэню:

— А к еде в Ючжоу Цзинцзэ привык?

Тан Шэнь ответил:

— Кухня там хоть и не столь изысканна, как в Шэнцзине, но обладает своим неповторимым вкусом.

Чжао Фу усмехнулся:

— И довелось ли попробовать какие-нибудь необычные деликатесы?

В голове Тан Шэня что-то мелькнуло. Задумавшись на мгновение, он произнес:

— И вправду было немало кушаний, которых в Шэнцзине не сыскать. Многие лакомства хороши лишь в родных краях: например, особые огурцы, что растут только на Северо-Западе, или тамошняя баранина. Вашему слуге посчастливилось увидеть упитанную, тучную овцу — мясо у неё было невероятно нежным, и когда его медленно жарили на открытом огне, сочащееся соком, вкус получался просто изумительный.

Чжао Фу пристально посмотрел на Тан Шэня и вдруг громко расхохотался, обратившись к Цзи Фу:

— Ты только взгляни на нашего господина Тана! Кто поверит, что перед нами чиновник? Скорее уж заправский кулинар и заядлый гурман! А ведь Цзинцзэ так молод: только-только справил совершеннолетие, съездил в Ючжоу — и все мысли лишь о еде! А поручение-то ты выполнил как следует?

Тан Шэнь тут же поклонился, сложив руки в приветствии:

— Ваш слуга не смеет не оправдать надежд Его Величества.

Затем он перешел к делу и подробно доложил о своей инспекции в Приказе серебряных ассигнаций.

Когда он закончил, Чжао Фу вымолвил:

— Цзинцзэ и впрямь моя верная опора и оплот.

Такая похвала дорогого стоила. Тан Шэнь тотчас же изобразил на лице глубокое трепетное почтение, смешанное с нескрываемой радостью, и произнес подобающие случаю благоговейные слова. Цзи Фу тоже бросил на Тан Шэня пару пристальных взглядов. Будучи доверенным лицом Чжао Фу, он, разумеется, догадывался, что поездка Тан Шэня в Ючжоу была связана вовсе не с инспекцией Приказа серебряных ассигнаций. Однако, будучи евнухом, узнать подробности он не мог.

Раньше Чжао Фу благоволил Тан Шэню скорее как удобному и острому клинку, не считая его до конца своим ближним доверенным человеком. И если сравнивать Тан Цзинцзэ с Ван Цзыфэном или Су Фэйжань, тот им явно уступал. Но отныне всё могло измениться.

«Впредь нужно поддерживать с господином Таном еще более добрые отношения, — подумал Цзи Фу. — Мы оба служим Государю, а помыслы правителя неисповедимы, да и в одиночку на службе не устоять. Ван Цзыфэн — человек тонкого ума, а этот Тан Цзинцзэ — его младший

соученик. Должно быть, он не менее смышлён, и ладить с ним будет легко».

Чжао Фу задал еще несколько вопросов, после чего отпустил Тан Шэня обратно во Дворец Циньчжэн.

Едва Тан Шэнь удалился, Чжао Фу внезапно произнес:

— Сколько ему было, когда я увидел его впервые?

Эта фраза прозвучала без всякой видимой причины. Во Дворце Чуйгун находились лишь двое дежурных младших евнухов, а также историограф и его помощник. Откуда этим четверем знать, о чем говорит правитель? Лишь Цзи Фу понимал: если император говорит, не обращаясь ни к кому конкретно, ответа ждут именно от него.

Склонив спину, Цзи Фу тихо с улыбкой ответил:

— Это было пять лет назад, Государь. Господину Тану тогда, кажется, только исполнилось пятнадцать.

Чжао Фу задумчиво переспросил:

— В Академии Гоцзыцзянь?

— Именно тогда, когда Государь изволил читать лекцию во Дворце Пиюн.

Чжао Фу:

— Посмотри на него... Кажется, он сильно изменился. — В этот раз, не дожидаясь ответа Цзи Фу, Чжао Фу словно сам с собой проговорил: — Вырос, да и незрелой резкости в нем поубавилось.

Вдруг Чжао Фу громко расхохотался, отчего Цзи Фу совсем растерялся и не решился вставить и слова. Просмеявшись так, что вокруг глаз собралась паутина морщин, император наконец утих и сказал Цзи Фу:

— Ты посмотри на него, до чего же он сейчас похож на того Ван Цзыфэна!

Цзи Фу обомлел, подумав: «И в чем же сходство?»

Однако вслух поторопился поддакнуть:

— И то правда! Стоило Государю указать, как ваш раб и сам заметил: точь-в-точь похож!

Вернувшись во Дворец Циньчжэн, Тан Шэнь первым делом отправился к Сюй Би. Сюй Би являлся его непосредственным начальником, так что по возвращении Тан Шэнь обязан был предстать перед ним. Едва увидав Тан Шэня, Сюй Би тут же предложил ему сесть и велел подать пиалу освежающего отвара из кислых слив.

Сюй Би спросил:

— В Шэнцзине не так, как в Ючжоу: на дворе середина июня, солнце печет словно огненное пламя. Ты успел привыкнуть?

Тан Шэнь осторожно ответил:

— Подчиненный вернулся уже несколько дней назад и вполне привык.

Сюй Би продолжал:

— На обратном пути тебе не довелось видеть Сяньчжи? Как он поживает?

Сяньчжи — это второе имя Юй Чаошэна.

Тан Шэнь ответил:

— Подчиненный виделся с господином Юем. Господин Юй бодр духом и уже вполне освоился с обычаями и нравами Ючжоу.

Сюй Би кивнул. Когда Тан Шэнь уже собрался откланяться, канцлер Сюй промолвил:

— Господин Тан, раз уж ты только что вернулся из Ючжоу, уделяй больше внимания докладам, поступающим оттуда. Тебе ведь это ближе и привычнее.

Тан Шэнь почтительно поклонился:

— Слушаюсь.

— Хотя вряд ли тебе придется прочесть еще много таких докладов.

Тан Шэнь резко вскинул голову. Сюй Би, держа в руках пиалу с отваром, смотрел на него с кроткой улыбкой. Тан Шэнь не мог угадать, какие помыслы кроются за этим взглядом; губы его дрогнули, и ему оставалось лишь откланяться и выйти.

Как и предсказывал Сюй Би, в середине июня, не прошло и трех дней с тех пор, как Тан Шэнь приступил к обязанностям во Дворце Циньчжэн, из Дворца Чуйгун поступил высочайший указ. Тан Шэня назначили Цзяньи дафу и правым заместителем цензора Приказа серебряных ассигнаций, пожаловав ему чин четвертого ранга.

Хотя этот указ вызвал немало изумления, для многих он оказался вполне ожидаемым.

Тан Шэню в этом году исполнилось всего двадцать лет. В шестнадцать он занял третье место на дворцовых экзаменах, став Таньхуа, и всего за четыре года дослужился до чиновника высокого ранга — случай поистине редкий. За всё время правления императора Кайпина лишь Ван Цзыфэн продвигался по службе быстрее его. Даже Су Вэньюнь поднялся до четвертого ранга на посту заместителя главы Судебного приказа лишь в двадцать лет, а чин третьего ранга на посту правого заместителя министра Приказа общественных работ получил только в двадцать четыре года.

Тан Шэнь весьма угодил Чжао Фу своей инспекцией Приказа серебряных ассигнаций, за что и получил должность правого заместителя цензора Приказа серебряных ассигнаций. Пост Цзяньи дафу был лишь гражданским почетным титулом, однако появление этого титула намекало: Тан Шэня вскоре может ждать новое повышение.

Тан Шэнь был слишком молод, поэтому Чжао Фу не стал сразу жаловать ему чин третьего ранга. Но одновременно с этим указом в город Ючжоу за тысячи ли умчалась иная императорская грамота: Чжао Фу назначил правого заместителя министра Приказа чинов Юй Чаошэна по совместительству левым заместителем цензора Приказа серебряных ассигнаций.

И вот это уже наводило на размышления.

Оба они являлись заместителями цензора Приказа серебряных ассигнаций, но Юй Чаошэн имел чин третьего ранга, а Тан Шэнь — четвертого.

Подобным шагом Чжао Фу давал понять: хоть Тан Шэнь пока и остается чиновником четвертого ранга, он пользуется особым расположением государя и фактически приравнен к высокопоставленным сановникам третьего ранга.

Юй Чаошэн занимал пост правого заместителя министра Приказа чинов и совмещал его с новой должностью. Тан Шэнь же был напрямую переведён на пост Цзянь дафу и правого заместителя цензора Приказа серебряных ассигнаций. Он больше не являлся делопроизводителем Чжуншуншэжэнем и, как и говорил Сюй Би, впредь ему больше не предстояло разбирать доклады, подаваемые Чжао Фу. В Дворце Циньчжэн Тан Шэнь лишился своего рабочего стола, но взамен обрел настоящую реальную власть.

Повышение это было или скрытая опала — всё зависело от воли Чжао Фу.

Приняв императорский указ, Тан Шэнь в душе испытывал глубочайший трепет. Пусть Чжао Фу как-то неожиданно осунулся и поддался унынию, он все еще оставался Императором Кайпином — владыкой, твердой рукой правившим Великой Сун в течение тридцати одного года!

Будучи правым заместителем цензора Приказа серебряных ассигнаций, Тан Шэнь должен был отправиться в далекую службу в Ючжоу. Однако Чжао Фу наделил его титулом Цзянь дафу, благодаря чему Тан Шэнь вскоре вошел в Цензорат и приступил к службе бок о бок с прочими цензорами.

Повышение Тан Шэня и Юй Чаошэна не привлекло к себе слишком много внимания. Точнее говоря, куда больше людей заметили другое: от полномочий Ван Цзыфэна эти двое отрезали весомый кусок!

При дворе Фракция Вана набирала небывалую силу, и у неё, разумеется, хватало врагов.

Узнав о случившемся, одни за спиной злорадно хлопали в ладоши, находя это весьма утешительным. Другие же пребывали в глубоком замешательстве — кое-кто даже отправил из далеких краев весточку в столицу, попросив передать письмо своему наставнику.

Сюй Би, получив письмо от Юй Чаошэна, лишь с улыбкой покачал головой. Он взял кисть, начертил одну-единственную строчку и отправил ответное письмо обратно в Ючжоу.

<http://bllate.org/book/18292/1757409>